

Осада Пскова. Сохранилась интересная повѣсть о псковской осадѣ. Баторій тотчасъ же по прибытіи велѣлъ укрѣпляться подѣ стѣнами города, рыть борозды (траншеи), ставить туры для прикрытія людей и пушекъ. Мѣткій огонь русскихъ пушекъ выхватилъ, къ удивленію Баторія, не мало людей изъ его войска. Пока Баторій укрѣплялся на рѣкѣ Великой, псковичи, не теряя времени, принялись за постройку внутреннихъ укрѣпленій, утвердили деревянную стѣну, защита которой была поручена князю Андрею Хворостинину. 7 сентября на разсвѣтѣ непріятель открылъ сильную пальбу, грома городскую стѣну изъ двадцати пяти большихъ орудій и стараясь сдѣлать въ ней проломы для приступа. Это ему удалось. Воеводы Баторія, сидѣвшіе за обѣдомъ, хвалились, что ужинать они будутъ въ Псковѣ. Распустивъ знамена, подѣ звуки трубъ поляки, венгры и нѣмцы храбро пошли на приступъ. Въ Псковѣ зазвонили въ осадный колоколъ и на защиту отъ врага высыпали не только всѣ воины, но и всѣ жители, могущіе держать оружіе въ рукахъ. Но непріятель былъ уже съ городѣ. Уже на двухъ башняхъ Пскова развивались королевскія знамена. Русскіе изнемогали и все болѣе и болѣе подавались подѣ напоромъ враговъ. Князь Шуйскій, которому была ввѣрена защита Пскова, обливаясь кровью, сошелъ съ своего раненаго коня и удерживалъ отступающихъ. Въ это время духовенство вынесло святыни въ самое опасное мѣсто схватки. Русскіе сдѣлали послѣднее усиліе. Одна башня, въ которой засѣли враги, была взорвана, изъ другой враги были выбиты. Русскіе отбѣснили непріятелей за городъ и возвратились въ него поздней ночью, захвативъ много плѣнныхъ. Въ Москву послали гонца съ радостнымъ извѣстіемъ, что штурмъ Пскова отбитъ. Около 5 тысячъ легло непріятелей.

Баторій снова началъ готовиться къ нападенію, но въ то же время пробовалъ переговорами склонить псковичей къ сдачѣ города. Однако русскіе не принимали польскихъ пословъ для переговоровъ о сдачѣ. Тогда Баторій на стрѣлѣ пустилъ въ городъ свою грамоту. «Дальнѣйшее кровопролитіе для васъ бесполезно, знаете, сколько городовъ завоевано мною въ два года. Сдайтесь мирно: вамъ будетъ ока-

зана всякая честь и милость, какой вы никогда не заслужите отъ московскаго тирана». Такимъ же способомъ псковскіе воеводы прислали королю свой отвѣтъ: «Не измѣнимъ своему крестному цѣлованію за богатство цѣлаго міра. Если Господь за насъ, никто не осилить насъ. Мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова. Готовься на брань, а чья будетъ побѣда — зависить отъ Бога». Баторій такъ и не могъ взять Пскова. Перемиріе 1581 года прекратило и осаду и войну.

Переговоръ о вѣрѣ. Антоній попросилъ позволенія у Іоанна заговорить съ нимъ о «вѣрѣ». Іоаннъ указывалъ на то, какъ бы не вышло вражды изъ такого разговора. «Намъ съ вами (католиками) не сойтись о вѣрѣ», говорилъ царь. «Наша вѣра сама по себѣ, а римская сама по себѣ». Поссевинъ увѣрялъ, что брани никакой не будетъ. Тогда Іоаннъ началъ: «Мы съ тобой о большихъ дѣлахъ говорить не хотимъ, чтобы тебѣ не было досадно; а вотъ малое дѣло, у тебя борода подсѣчена, а бороды подсѣкать и подбривать не велѣно не только попу, но и мірскимъ людямъ, ты въ римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь: и ты скажи намъ, отъ кого ты это взялъ, изъ котораго ученья?» Поссевинъ отвѣчалъ, что онъ бороды не сѣчетъ не бреетъ. Іоаннъ продолжалъ: «Сказывалъ намъ нашъ паробокъ, который былъ посланъ въ Римъ, что папу Григорія посятъ на престолѣ, а на сапогѣ у папы крестъ, и вотъ первое, въ чемъ нашей вѣрѣ христіанской съ римской будетъ разница; въ нашей вѣрѣ крестъ Христовъ на враговъ побѣда, у насъ не водится крестъ ниже пояса носить». Поссевинъ сказалъ, что папу достойно величать. Царь замѣтилъ, что тотъ папа, который не по Христову ученію и не по апостольскому преданію станетъ жить, тотъ папа волкъ. Поссевинъ сказалъ: «Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить», и замолчалъ.

Антоній хлопоталъ, чтобы въ русскомъ царствѣ было позволено построить церковь для венеціанцевъ. Царь говорилъ: «Пусть пріѣзжаютъ итальянцы и съ своими попами», но костеловъ ставить не разрѣшилъ, сказавъ: «Въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ, мы ни у кого воли не стымаемъ,

живутъ всѣ по своей, какъ кто хочетъ, а церковей иновѣрныхъ до сихъ поръ еще въ нашемъ государствѣ не ставливали».

Сношенія съ Англіей. Въ то время, когда русскіе такъ настойчиво и неуспѣшно стремились пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, чтобы завязать прочныя сношенія съ Западной Европой, неожиданно были завязаны сношенія между Москвой и Англіей.

Въ Англіи въ это время задумали изыскать болѣе короткій путь въ Индію. Съ этой цѣлью были снаряжены три корабля, которые должны были попробовать пройти Сѣвѣрнымъ океаномъ въ Тихій. Кораблями управляли англичане Виллоби и Ченслеръ. Близъ Норвегіи они рѣшили соединиться. Два корабля затерло льдами. Весь экипажъ съ начальникомъ Виллоби замерзъ. Ченслеръ на своемъ кораблѣ семь дней ждалъ два другихъ корабля. Онъ рѣшилъ ѣхать далѣе и благодаря постоянному дню, царствовавшему въ это время въ полярныхъ странахъ, достигъ большого залива, въ которомъ замѣтилъ нѣсколько рыбачьихъ лодокъ. Рыбаки, испуганные появленіемъ большого, никогда невиданнаго ими прежде судна, хотѣли было убѣжать, но были схвачены и приведены къ Ченслеру, который ободрилъ ихъ ласковымъ пріемомъ; послѣ этого окрестные жители начали пріѣзжать съ предложеніемъ сѣбѣстныхъ припасовъ. Англичане узнали, что страна, куда ихъ забросила судьба, называется Россіей или Московіей и управляется царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

Мѣстныя власти холмогорскія извѣстили царя о прибытіи иностранцевъ и спрашивали, что съ ними дѣлать. Царь пригласилъ Ченслера въ Москву. Ченслеръ не испугался долгаго и труднаго пути, прибылъ въ Москву и представился государю. Во всемъ своемъ царскомъ величіи, возсѣдая на тронѣ, съ золотою короною на головѣ въ золотомъ платьѣ, съ богатымъ скипетромъ въ рукѣ, принялъ Іоаннъ англійскаго путешественника. Въ наружности Іоанна Ченслеръ нашель величіе, сообразное съ его высокимъ положеніемъ. Іоаннъ далъ очень благопріятный отвѣтъ на грамоту англійскаго короля, гдѣ онъ просилъ у государей покровительства капитану Виллоби.

Въ 1555 году Ченслеръ снова явился въ Москву, но уже какъ королевскій посолъ и выхлопоталъ льготную грамоту: англичане получили право беспошлинной торговли какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. На этотъ разъ Ченслеръ отправился въ Англію съ русскимъ посломъ, купцомъ Осипомъ Непѣю. Страшная буря застигла ихъ у Шотландскихъ береговъ. Ченслеръ утонулъ, но Непѣя спасся и достигъ Лондона, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ королемъ и королевою. Въ благодарность за льготы, данныя аглійскимъ купцамъ въ Московскомъ государствѣ, и англичане дали русскимъ купцамъ право свободно и беспошлинно торговать во всѣхъ мѣстахъ аглійскихъ владѣній. Кромѣ того, король и королева изъявили согласіе на свободный выѣздъ изъ Англіи въ Россію художниковъ и ремесленниковъ. Непѣя вывелъ многихъ мастеровъ, медиковъ, рудознатцевъ.

Спричина. Тронъ московскаго государя окружали бояре, потомки тѣхъ князей, которые правили нѣкогда самостоятельно. Эти потомки-княжата, помня свое происхожденіе, смотрѣли на себя не какъ на слугъ, а какъ на хозяевъ русской земли, съ тою только разницею, что предки ихъ правили поодиначкѣ, а теперь они собрались въ одномъ мѣстѣ. Но московскіе государи, видя въ себѣ самодержавныхъ властителей всея Руси, а въ княжатахъ лукавыхъ и прегордыхъ рабовъ, не полагали нужнымъ считаться съ ихъ притязаніями. До половины XVI в. боярство не посягало на самодержавную власть государей. Оно только роптало, что государь не оказываетъ боярамъ той чести, которой они, по ихъ мнѣнію, заслуживали. Недовольные иногда отѣзжали отъ царя. Но при Іоаннѣ IV образовался боярскій кружокъ подъ руководствомъ Сильвестра и Адашева. Кружокъ сталъ тайно отъ царя совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ, возвращалъ самовольно боярамъ вотчины (земельныя имѣнія), разрѣшалъ свободное отчужденіе боярскихъ земель.

Іоаннъ сначала боролся мягкими мѣрами: Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, а Адашевъ воеводою въ Ливонію. Отъ бояръ царь взялъ крестное дѣлованіе,

что они не будутъ сноситься съ опальными. Но бояре не унимались. Тогда начались гоненія на бояръ. Гоненія вызвали отъѣзды бояръ, а отъѣзды — новыя гоненія. Смерть любимой жены Анастасіи, умѣвшей своею любовью и кротостью смирять буйные порывы, еще болѣе ухудшила дѣло. Іоаннъ окружилъ себя низкими льстецами. Шумные пиры, попойки, скоморошество — вотъ что занимало Іоанна.

Измѣна князя Андрея Курбскаго, котораго Іоаннъ горячо любилъ, имѣла роковыя послѣдствія для бояръ. Курбскій въ своемъ письмѣ изъ Литвы упрекалъ царя за жестокость, говорилъ, что царь долженъ дѣлать власть съ боярами, съ земскимъ соборомъ. Іоаннъ отвѣчалъ, что свою власть самодержавную онъ унаслѣдовалъ отъ Владимира Святого; если царю, отвѣчалъ Іоаннъ Курбскому, не повинуются подвластные, никогда междоусобныя брани не прекратятся. Переписка между царемъ и Курбскимъ длилась нѣсколько лѣтъ. Она окончательно убѣдила царя, что необходимо сокрушить боярство.

9 декабря 1564 года, въ воскресенье, царь со всеѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское. Выѣздъ этотъ былъ не похожъ на прежніе, когда выѣзжалъ онъ на богомолье или на какія-нибудь потѣхи свои. Теперь онъ взялъ съ собою иконы, кресты, сосуды, платье, деньги и царскую казну. Двѣ недѣли пробылъ царь въ селѣ Коломенскомъ по случаю дурной погоды. Потомъ поѣхалъ къ Троицѣ, а оттуда въ Александровскую слободу, гдѣ и поселился.

Здѣсь былъ дворецъ словно крѣпость, обведенъ рвомъ и окруженъ высокой стѣной.

Таинственный отъѣздъ царя не предвѣщалъ ничего добраго. Всѣ это чувствовали. Дѣйствительно, черезъ мѣсяць въ Москвѣ были получены двѣ грамоты — одна митрополиту, а другая купцамъ и всему московскому народу. Въ первой грамотѣ царь выражалъ свой гнѣвъ духовенству и боярамъ. Бояръ онъ обвинялъ въ нерадѣніи къ государственной службѣ и въ притѣсненіяхъ народа, а духовенство въ томъ, что оно мѣшаетъ ему казнить измѣнниковъ. Въ концѣ грамоты царь объявлялъ, что рѣшилъ покинуть государство

и поселиться, гдѣ «Богъ укажетъ». Во второй грамотѣ царь успокаивалъ московскихъ людей, чтобы они ничего не опасались.

Все въ Москвѣ пришло въ ужасъ и смятеніе. Въ это время шла война съ Польшей. Крымскіе татары грозили съ юга, и въ такую-то трудную пору явилось полное безначаліе. Рѣшено было митрополиту блюсти столицу, гдѣ уже начинались беспорядки, а духовенству и боярамъ ѣхать въ Александровскую слободу бить челомъ царю вернуться на царство. Почти мѣсяцъ прошелъ въ томительномъ ожиданіи.

Наконецъ 2 февраля царь торжественно въѣхалъ въ Москву. Видъ его поразилъ всѣхъ. Онъ похудѣлъ и осунулся. Прежде онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ, имѣлъ высокія плечи, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинные усы, глаза, исполненные огня, и лицо пріятное. Но теперь черты лица его исказились свирѣпостью, въ глазахъ свѣтилась злоба и тревога, волосы на головѣ и бородѣ сдѣлались рѣдкими.

Страшную тревогу пережилъ онъ за послѣднее время. Мысль, что бояре сами управятся въ Москвѣ и никто не придетъ просить его вернуться на царство, грызла его день и ночь. Но вотъ теперь всѣ преклонялись передъ нимъ въ сознаніи, что безъ него погибнетъ царство. Теперь во всеоружіи власти онъ рѣшилъ расправиться съ своими недругами. Тогда-то и учреждена была *опричина*.

Опричина представляла особый *государевъ дворъ*. Въ немъ былъ особый дворецкій, свои казначеи, дьяки, бояре и окольничьи. Для содержанія всего этого двора были взяты города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Эти города и волости составили добрую половину государства. Для опричнаго двора первоначально выбрали мѣсто въ Кремлѣ, но Іоаннъ почему-то поселился на Воздвиженкѣ. Земли, взятыя въ опричину, лежали въ центрѣ Московскаго государства и прежде принадлежали самымъ могущественнымъ боярамъ-князьямъ, которыхъ мѣстное населеніе все еще считало своими государями. Всѣ остальные земли, окраинныя, порубежныя, были отнесены къ «земщинѣ». Во главѣ «земщины» Іоаннъ поставилъ крещенаго

татарскаго царевича Симеона Бекбулатовича, съ титуломъ «великаго князя всей Руси».

Симеону, прокняжившему всего нѣсколько мѣсяцевъ, принадлежала только тѣнь власти: на ряду съ его грамотами писались грамоты и имя настоящаго «царя и великаго князя всея Руси», а на грамоты великаго князя Симеона Бекбулатовича всея Руси дѣяки даже не отвѣчали.

Учрежденіе опричины совпало съ переломомъ въ характерѣ Іоанна. Всюду Іоанну чудилась измѣна и онъ расправлялся со своими недругами съ неумолимой жестокостью. Старикъ князь Челяднинъ былъ заподозрѣнъ въ желаніи свергнуть Іоанна съ престола и, несмотря ни на какія оправданія, былъ умерщвленъ со своей женой. Воеводу князя Щепотьева замучили до смерти, а князя Пронскаго, героя многихъ побѣдъ, служившаго еще великому князю Василю, утопили. Іоаннъ не щадилъ даже близкихъ людей. Его двоюродный братъ князь Владимиръ Андреевичъ былъ казнень за попытку бѣжать въ Литву.

Въ 1851 г. Іоаннъ въ сильномъ гнѣвѣ на своего сына Іоанна ударилъ его своимъ жезломъ такъ, что царевичъ скончался. Одни извѣстія говорятъ, что царевичъ вызвалъ гнѣвъ отца тѣмъ, что сталъ говорить о необходимости выручить Псковъ отъ Баторія. Антоній же Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ спустя только 3 мѣсяца, рассказываетъ, что царь разсердился на жену царевича — свою сноху, а царевичъ за нее заступился.

Когда все въ трепетѣ и въ ужасѣ притихло передъ страшной царской грозой, неожиданно на Руси раздался сильный голосъ, осуждавшій непомѣрную жестокость царя. То былъ голосъ митрополита Филиппа.

Митрополитъ Филиппъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ. Не любя мірской суеты, онъ на 30-мъ году удалился въ Соловецкій монастырь (на Бѣломъ морѣ) и постригся. Черезъ 10 лѣтъ онъ сдѣлался игуменомъ.

Монастырь достигъ при немъ цвѣтущаго состоянія: были выстроены двѣ каменные церкви, кельи, больницы, осушены болота, устроены каналы, дороги и пр. Полудикіе

лопарь съ удивленіемъ смотрѣли на устройство водопровода въ Соловецкомъ монастырѣ, «какъ вода сама сливается со всѣхъ чановъ, черезъ трубу подымется наверхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется». До Филиппа игумена рожь на сушило носили многіе, а игуменъ Филиппъ устроилъ телѣгу: «сама насыпается, сама привозится и сама высыпается въ сушило; прежде рожь подѣввали многіе, а игуменъ устроилъ сѣвальню съ 10 рѣшетами и сѣетъ одинъ только человѣкъ, при немъ же устроили рѣшето — само посыпаетъ, сѣетъ, а отруби, муку и выѣвки разводитъ розно. Прежде много братіи носило рожь на гумно вѣять, а игуменъ нарядилъ къ тому вѣтеръ — онъ теперь мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ. Прежде глину на кирпичъ копали люди, а теперь однимъ валомъ копаютъ столько, сколько многіе люди копали, и т. д.».

По дѣламъ монастыря Филиппу не разъ приходилось бывать въ Москвѣ въ лучшую пору царствованія Іоанна. Умный и энергичный игуменъ понравился Іоанну. Іоаннъ предложилъ Филиппу занять освободившуюся послѣ смерти митр. Аѳанасія митрополичью кафедру. Филиппъ долго отказывался, но, уступая просьбамъ царя и епископовъ, долженъ былъ согласиться.

Филиппъ не могъ снести ужасовъ опричины и сталъ молить царя пощадить невинныхъ. «Въ самыхъ повѣрныхъ языческихъ царствахъ», говорилъ онъ Іоанну, «есть законъ, есть милосердіе къ людямъ, по ихъ вѣтъ въ Россіи. Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній Судія, нашъ и твой, государь! Самые камни вонюютъ подъ ногами твоими о мести».

Но Іоаннъ не слушался его. Тогда Филиппъ заговорилъ всенародно. Увидя Іоанна въ одеждѣ опричника въ Успенскомъ соборѣ, митрополитъ отказался благословить его и сказалъ ему о крови, невинно льющейся у самаго алтаря. По приказанію царя созванъ былъ соборъ для суда надъ митрополитомъ. Самъ царь присутствовалъ на соборѣ. Филиппъ даже не оправдывался: кратко, но твердо заявилъ, что готовъ скорѣе умереть мученикомъ, чѣмъ терпѣть

ужасы и беззаконія. Затѣмъ онъ положилъ пастырскій жезлъ, снялъ бѣлый клобукъ и мантию. Это смиреніе и величественное спокойствіе привело въ ярость царя. Онъ приказалъ ему исполнять свои святительскія обязанности и ждать соборнаго приговора.

8 ноября 1568 г., когда Филиппъ совершалъ богослуженіе, вошелъ въ церковь царскій любимецъ Алексѣй Басмановъ съ толпой опричниковъ. По его приказу былъ прочитанъ приговоръ о низложеніи митрополита. Опричники бросились на митрополита, сорвали съ него святительское облаченіе, набросили ветхую изорванную монашескую одежду и метлами выгнали его изъ церкви. Народъ съ рыданіемъ бѣжалъ за нимъ, когда его везли на дровняхъ. Филиппъ ласково благословлялъ.

Царь хотѣлъ осудить Филиппа на сожженіе, такъ какъ клеветники обвинили его, между прочимъ, въ чародѣйствѣ, но по ходатайству епископовъ даровалъ ему жизнь.

Филиппа отвезли въ Боговиленскій монастырь. Цѣлую недѣлю продержали его въ окожахъ въ смрадной темницѣ и затѣмъ перевезли въ тверской Отрочъ монастырь, гдѣ въ скоромъ времени его задушили.

Покореніе Сибири. Сибирь — огромное пространство сѣверной Азіи, ограниченное Уральскими горами — Каменнымъ поясомъ, какъ называли эти горы русскіе, Ледовитымъ моремъ, Восточнымъ океаномъ, цѣпью Алтайскихъ и Саянскихъ горъ. Пустынный, холодный, но вмѣстѣ съ тѣмъ привольный для жизни человѣка край. Этотъ край замѣчательнъ своими природными богатствами: въ глубинѣ земли сокрыты драгоцѣннѣйшіе металлы и камни, въ глуши дремучихъ вѣковыхъ лѣсовъ обитаютъ пушистые звѣри, судоходныя рѣки и большія рыбныя озера въ безмолвіи ожидали трудолюбивыхъ жителей.

Этотъ край былъ какъ бы вторымъ новымъ свѣтомъ для Европы.

И что же? Его завсевала горсть отважныхъ удалцовъ-казаковъ во главѣ съ атаманомъ волжскихъ разбойниковъ, при содѣйствіи трехъ купцовъ Строгановыхъ.

Сибирь являлась отечеством малолюдныхъ кочевыхъ племень, монгольскихъ и финскихъ. По сказаніямъ, слышаннымъ русскими отъ магометанъ Сибири, основателемъ

Митрополитъ Филиппъ и Малюта Скуратовъ.

городка Искера (Сибири), отъ котораго получила свое имя цѣлая страна, былъ ханъ Махметъ изъ ногайскаго племени. Внуковъ Махмета Едигера и Бекбулата свергъ Кучумъ,

провозгласившій себя первымъ сибирскимъ царемъ. Это было какъ разъ во времена Грознаго.

Таинственная страна манила къ себѣ Іоанна. Зная хорошо дорогу въ столицу Едигера и Кучума, гдѣ уже бывали московскіе чиновники, любознательный Іоаннъ пожелалъ узнать и о дальнѣйшихъ странахъ. Для этого въ 1567 г. онъ послалъ двухъ атамановъ, Ивана Петрова и Бурната Ялычева, за Сибирь на югъ съ дружественными грамотами къ неизвѣстнымъ властителямъ неизвѣстныхъ народовъ.

Атаманы благополучно возвратились и представили государю описаніе всѣхъ земель отъ Байкала до Корейскаго моря. Упомянувъ по слухамъ о Туркестанѣ, Бухаріи, Кишкарѣ, Тибетѣ, путешественники описываютъ въ своемъ любопытномъ донесеніи, что грамота монгольской царицы открыла для нихъ желѣзные ворота Китайской стѣны, но, свободно достигнувъ богатаго, многолюднаго Пекина, они не могли видѣть китайскаго императора, такъ какъ не имѣли къ нему достойныхъ даровъ отъ своего государя.

Хотя сибирскіе татары и признавали Іоанна своимъ верховнымъ властителемъ, но не только неисправно платили ему дань, но своими частыми набѣгами тревожили Великую Пермь, гдѣ въ то время была восточная граница Россіи.

Между тѣмъ Пермскій край былъ очень заманчивъ для поселенія. Тутъ было много земли, все необходимое было крайне дешево, очень выгодно было вести здѣсь мѣновую торговлю съ полудикими, кочевыми народами, вымѣнивать у нихъ цѣнные мѣха. Здѣсь во время Грознаго жилъ богатый солепромышленникъ Аникій Строгановъ съ тремя сыновьями: Яковомъ, Григоріемъ и Симеономъ. Предки Строгановыхъ, по всей вѣроятности, принадлежали къ тѣмъ новгородскимъ ушкуйникамъ, которые когда-то заселили Двинскую землю. Кромѣ вывариванія соли, Строгановымъ разрѣшено было строить укрѣпленія для защиты отъ иноподданныхъ и держать въ нихъ ратныхъ людей съ огненнымъ ружейнымъ и пушечнымъ боемъ. Имъ дарованы были при Грозномъ земли и по рѣкѣ Чусовой, придвинувшія ихъ къ

царству Сибирскому, изъ котораго уже дѣлались нападенія на русскія земли.

Ханъ Кучумъ велѣлъ убить московскаго посла и сталъ нападать по сію сторону Урала на земли Пермскія. Племянникъ хана Махметъ-Куль, богатырь, приходилъ на рѣку Чусовую во владѣніе Строгановыхъ и побилъ здѣсь подвластный Москвѣ народецъ «остяковъ». Это побудило Строгановыхъ просить разрѣшенія у царя строить крѣпости по р. Тоболу, держать ратныхъ людей, пашни тамъ пахать и желѣзо добывать. Строгановымъ давалось также право вести войну съ сибирскимъ султаномъ.

Тогда-то Строгановы обратились къ казакамъ.

По южнымъ и восточнымъ степнымъ окраинамъ Московскаго государства въ XV в. появились вольные, гуляющіе люди — казаки. Одни изъ нихъ несли государеву службу, обороняли границы отъ татаръ; другіе уходили изъ-подъ всякаго надзора, «гуляли» въ степномъ раздолѣѣ, нападали на татаръ, а подчасъ и на русскихъ купцовъ, охотились и ловили рыбу. Шайки такихъ казаковъ гуляли по Дону и Волгѣ. Начальникомъ одной ватаги донскихъ казаковъ былъ Ермакъ Тимофеевичъ.

Бездомный, голутвенный человекъ, Ермакъ сначала бурлачилъ по Волгѣ, гдѣ бывалъ артельнымъ капеваромъ, за что и прозванъ Ермакомъ или казапомъ, т.-е. котломъ. Наскучило ему тянуть лямку, онъ ушелъ на Донъ и былъ здѣсь нѣкоторое время станичникомъ. Но его бурной, кипучей натурѣ не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Умный, сильный, красивый, храбрый, онъ скоро сдѣлался атаманомъ большой шайки.

На своихъ легкихъ судахъ онъ быстро двигался по Волгѣ и Каспію, дѣлалъ нападенія на чужіе и на русскіе караваны. Дѣло зашло такъ далеко, что казаки убили ѣхавшаго въ Москву персидскаго посланника и стали грабить царскіе караваны. Грозный приговорилъ Ермака и его есаула Ивана Кольцо къ смертной казни и двинулъ своихъ воеводъ на Волгу противъ разбойниковъ. Казаки были разбиты. Многіе перевѣшаны, а Ермакъ съ есауломъ Иваномъ Кольцо и другими товарищами ушли на Каму.

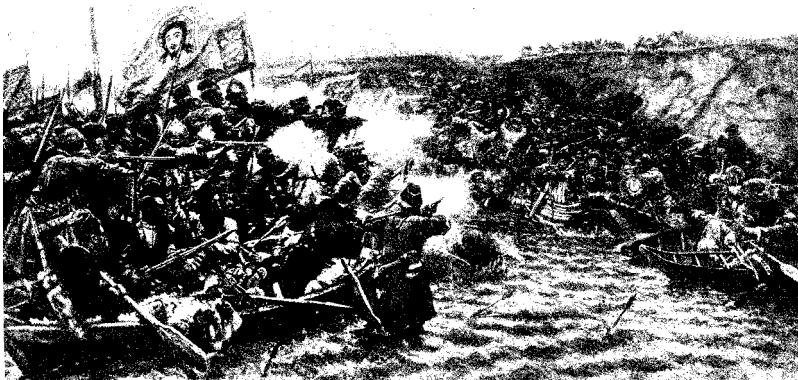
Строгановы предложили опальнымъ атаманамъ быть воинами царя Бѣлаго. Ермакъ съ товарищами собралъ 840 отважныхъ бойцовъ и прибылъ къ Строгановымъ.

Въ 1581 г. казаки снарядились въ походъ противъ Кучума. Забравъ съ собою вожатыхъ, знавшихъ хорошо рѣчные пути, съѣстные припасы, ружья и нѣсколько небольшихъ пушекъ, въ началѣ сентября 1582 г. казаки переправились Уралъ и поплыли внизъ по Тоболу, не встрѣчая почти никакого сопротивленія. Огнестрѣльное оружіе казаковъ наводило на татаръ ужасъ. Шаманы (гадатели) говорили, что надъ самой столицей ханскою Сибирью видѣли городъ, а въ немъ камennыя башни, на башняхъ висятъ колокола, а наверху на нихъ — кресты; того и гляди, сойдутъ они на Сибирскую землю, и она наполнится русскими людьми.

Кучумъ рѣшилъ защищаться. Собралъ онъ все свое войско и расположился станомъ на берегу Иртыша, близъ устья Тобола, но это не устрало казаковъ.

Вотъ какую хитрость употребили казаки: попадѣляли они чучель изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки казакія и привязали ихъ къ налкамъ, оставивъ за ними немного людей. Выслали татары на берегъ и давай пускать стрѣлы въ чучела. Стрѣляютъ и удивляются, какъ крѣпки русскіе люди: стрѣлъ на нихъ, что въ снопы налѣвлено, а они все невредимо стоятъ. Казаки же зашли татарамъ въ тылъ и взяли ихъ городъ. Разбивъ передовой отрядъ, посланный Кучумомъ, они бросились на него самого. Напрасно татары пускали тучи стрѣлъ, вреда отъ нихъ было мало; зато дѣйствіе пушекъ и ружей было ужасно. Подготовивъ себѣ атаку огнемъ, казаки бросились въ рукопашную и, несмотря на громадное превосходство татарской рати, разбили Кучума наголову. Онъ бѣжалъ въ свою столицу Сибирь, захватилъ свои пожитки и побѣжалъ дальше, а казаки заняли ее безъ боя.

Однако положеніе Ермака было отчаянное: силы его значительно поубавились, запасы истощились, наступила лютая зима. Только при помощи татарскихъ князьковъ, торопившихся изъяснить ему свою покорность, Ермакъ про-

существовалъ всю зиму. Къ веснѣ дѣло стало поправляться. Казаки стали покорять татарскіе городки и улусы по Иртышу и Оби.

Ермакъ далъ знать Строгановымъ о своей побѣдѣ и снарядилъ посольство къ царю въ Москву. Въ Москву прибылъ Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами бить челомъ государю царствомъ Сибирскимъ и поднести ему въ даръ драгоцѣнныя произведенія завоеваннаго края: мѣха соболѣи, бобровые и лисьи. Ермакъ, посылая Кольцо въ Москву, имѣлъ надежду думать, что царь проститъ вину атаману, приговоренному къ смерти.

Долго уже не было такой радости въ унылой Москвѣ. Говорять, царь послалъ Ермаку богатые подарки: двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ царскаго плеча. Въ то же время онъ немедленно отрядилъ воеводу князя Семена Дмитріевича Болховского и пятьсотъ стрѣльцовъ, дозволилъ Ивану Кольцо искать охотниковъ для переселенія въ новый край, а вологодскому епископу отправить туда девять священниковъ для совершенія богослуженія.

Съ радостью встрѣтили казаки пришедшее изъ Москвы подкрѣпленіе. Мало оставалось людей у Ермака и трудно было ему удержать завоеванную Сибирь. Вскорѣ открылась жестокая цынга, болѣзнь весьма обыкновенная для новыхъ поселенцевъ въ холодныхъ странахъ. Наступила суровая зима и оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: необыкновенные морозы препятствовали казакамъ ловить звѣрей и рыбу. Люди умирали. Умеръ и воевода, посланный Грознымъ, князь Болховской.

Съ наступленіемъ весны 1584 года бѣдствія эти стали уменьшаться. Ермакъ отправилъ въ Москву плѣннаго татарскаго царевича Маметкула съ просьбой о вспоможеніи. Но случилась новая бѣда. Одинъ татарскій князекъ, притворявшійся вѣрнымъ другомъ русскихъ, просилъ у нихъ защиты. Былъ посланъ къ нему атаманъ Кольцо и 40 лучшихъ казаковъ. Они измѣннически были умерщвлены въ татарскомъ улусѣ. Послѣ этого открылся почти повсемѣстный мятежъ нашихъ сибирскихъ данниковъ. Вскорѣ погибъ и самъ герой — завоеватель Сибири.

Услышавъ, что Кучумъ собирается перехватить караванъ бухарскихъ купцовъ, онъ съ отрядомъ казаковъ выступилъ для защиты каравана. Въ продолженіе цѣлаго дня пути онъ не могъ встрѣтить ожидаемыхъ купцовъ и въ то же время онъ не видѣлъ никакихъ признаковъ близкаго пребыванія непріятеля. Отрядъ остановился ночевать при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ. По преданію, ночь была бурная. Дождь лилъ ливнемъ. Вѣтеръ бушевалъ. Истомленные казаки заснули, какъ убитые и не поставили сторожей, не думая, видно, чтобы враги напали въ такую ночь. А между тѣмъ непріятель былъ близко. Развѣдчики Кучума нашли въ рѣкѣ бродъ, пробрались къ русскимъ и принесли своимъ вѣсть, что казаки спятъ мертвымъ сномъ, въ доказательство чего представили три похищенныхъ у нихъ пищади и пороховницы. Татары напали на спящихъ казаковъ и перерѣзали ихъ всѣхъ, кромѣ двухъ. Одинъ спасся и принесъ въ Сибирь ужасную вѣсть объ избіеніи отряда, а другой — самъ Ермакъ — нѣсколькими ударами сабли проложилъ дорогу и бросился въ бурный Иртышъ, но не могъ плыть отъ тяжелой брони (пожалованной, по преданію, царемъ) и утонулъ.

Черезъ нѣсколько дней тѣло Ермака приплыло къ епанчинскимъ юртамъ, гдѣ одинъ татаринъ, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ человѣческія ноги. Онъ вытащилъ мертваго, по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною оправою, съ золотымъ орломъ на груди, призналъ въ немъ Ермака и созвалъ всѣхъ жителей селенія полюбоваться на богатыря. Метительные татары, положивъ тѣло его въ ящикъ, метали въ него стрѣлы; самъ Кучумъ пріѣхалъ, чтобы съ удовольствіемъ взглянуть на своего мертваго заклятаго врага. Поруганіе надъ трупомъ продолжалось 6 недѣль. Къ удивленію татаръ, хищныя птицы, оставшія надъ трупомъ Ермака, не смѣли коснуться его. Наконецъ, разныя видѣнія заставили суевѣрныхъ татаръ схоронить его подъ кудрявой сосной. Въ день похоронъ Ермака татары изжарили тридцать быковъ въ честь храбраго героя, его кольчугу отдали жрецамъ. Эти преданія узналъ сотникъ Ульянъ Ремезовъ, побывавшій въ Сибири въ XVII в.

Народъ славить подвигъ Ермака въ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ. Церковь возноситъ молитвы за Ермака и за его храбрую дружину. Это нашъ сѣверный Христофоръ Колумбъ. Ему поставленъ памятникъ въ Tobольскѣ.

Конецъ Грознаго. Покореніе Сибири было свѣтлымъ лучомъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго. Іоаннъ преждевременно состарѣлся. Несчастливая война съ Баторіемъ, потеря Ливоніи, опричина и казни, разрушительно дѣйствовали на его здоровье.

18 марта 1584 года колоколь въ Кремлѣ возвѣстилъ жителямъ Москвы, что Грознаго царя не стало. Говорятъ, что кудесники предсказали смерть Грозному въ этотъ день. Но какъ разъ Грозный послѣ бани почувствовалъ себя лучше и послалъ Годунова съ объявленіемъ казни кудесникамъ. Годуновъ возвратился и говорить царю: «Волхвы сказали, ошибиться имъ нельзя. Кирилинъ день еще не миновалъ». При этихъ словахъ съ царемъ сдѣлалось дурно, и онъ скончался.

Народъ не разъ въ своихъ пѣсняхъ воспѣвалъ Грознаго и его время. Онъ рѣдко воспоминаетъ его лютыя казни. Для народа царь Иванъ Васильевичъ — Грозный судія, который каралъ по справедливости. Народъ охотнѣе воспоминаетъ Грознаго во всемъ его царскомъ величїи, какъ отважнаго завоевателя татарскихъ ханствъ. «Какъ зачиналась каменна Москва,—говоритъ пѣсня,—такъ зачинался и Грозный царь. Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ, полонилъ царя со царицей, выводилъ измѣну изъ Пскова, изъ Пскова и изъ Новгорода».